

Одномерность противоречит стабильности

Роль социогуманитарного знания в формировании жизнеустойчивого общества

Чеслав КИРВЕЛЬ,
доктор философских наук, профессор

Александр БОРОДИЧ,
кандидат философских наук, доцент

Древнегреческий философ Сократ призывал человека познать самого себя. Выдающийся мыслитель хорошо понимал, что без глубокого осмысления своих знаний, желаний и потребностей невозможно постичь собственные возможности и определить их границы. Сегодня, когда пренебрежение этой истиной поставило человечество перед угрозой антропологического коллапса, призыв великого гуманиста звучит еще актуальнее. Успешная развязка этой социальной драмы все же возможна: она – в смещении приоритетов деятельности в духовно-культурную и образовательно-просветительскую сферы. Но пока постижение этой столь важной для формирования жизнеустойчивого общества аксиомы остается недоступным для многих.

С начала XXI века в Беларуси проводится реформа системы образования. Эта сфера деятельности действительно нуждается в решительной поддержке общества, государства и бизнеса, в укреплении и развитии. Знания превращаются в важнейший ресурс развития современного общества.

Между тем в постсоветский период белорусская наука и система образования, особенно высшего, понесли немалые потери. Еще недавно столь популярные в академической среде разговоры о гуманитаризации образования и гуманизации науки вдруг, словно по мановению волшебной палочки, прекратились. Более того, в реальной жизни начался обратный процесс, усиленный не менее опасной для духовного состояния общества тенденцией их дефундаментализации. Разрушается то, что было большим преимуществом нашей системы образования перед западной. Почти в три раза сократилось число специалистов высшей квалификации, которые имеют ученые степени. Талантливая молодежь все чаще предпочитает другие сферы деятельности, что создает препятствия для обновления кадрового потенциала работников науки и высшей школы; приводит к миграции

специалистов высшей квалификации за пределы страны, вызывает постепенную «утечку мозгов».

Весьма серьезные проблемы возникают в связи со структурной организацией научного труда и вузовского преподавания. Сейчас приоритет у нас отдается прикладным наукам, которые, безусловно, важны. Без них не появятся образцы новой эффективной техники и прогрессивные технологии, без них не вырастить урожай и не избавить больного от недуга. Это так называемое «хлебное» знание. Но уже древние наши предшественники знали, что «не хлебом единым жив человек». Да и для того, чтобы решить практические задачи обустройства среды нашего обитания и физического жизнеобеспечения людей, необходимы фундаментальные знания. Как утверждает известный российский ученый, доктор социологических наук, профессор МГУ Владимир Кочетков, «система образования работает, если: 1) фундаментальная наука опережает прикладную, 2) теоретическая подготовка опережает практическую» [1, с. 148]. Недостаточное развитие фундаментальных научных исследований не только лишает прикладные разработки теорети-

ческой базы, не позволяя создавать про-рывные образцы средств деятельности, но обрекает общество на отставание в важнейших сферах общественного производства, что можно наблюдать на примере многих постсоветских государств.

Образование призвано не просто наделить молодого человека комплексом умений и навыков в той или иной сфере. Так можно сформировать лишь человека-функцию, выполняющего заданные извне предписания, а не самостоятельного субъекта, способного решать нетривиальные задачи. Но ведь нынешний технократический подход к образованию, при котором на первый план выдвигаются задачи профессионального обучения молодого человека, ведет к подготовке именно таких однобоких функционеров. При этом вне поля зрения остается необходимость развивать в человеке творческое мышление, способность различать добро и зло, прекрасное и безобразное, потребность занимать социально оправданную гражданскую позицию по отношению к происходящим в обществе событиям. В человеке-субъекте, по словам Н. Бердяева, «трепещет Вселенная» [2, с. 91].

При технократическом подходе к образованию человек рассматривается не как творческая самостоятельная личность, а всего лишь как некий фактор, выполняющий стандартные операции и процедуры. Но это «одномерный человек» (Г. Маркузе), или «человек массы» (Х. Ортега-и-Гассет). Он – продукт и действующее лицо индустриально-техногенного общества, которое вызвало в новейшей истории колоссальные социальные потрясения – небывало смертоносные войны, братоубийственные революции, растрату естественных ресурсов и научного потенциала на создание оружия массового поражения, формирование агрессивно-потребительского способа природопользования, изменяющего химический состав воздуха и климат, разрушающего биосферу.

Сегодняшняя действительность необычайно динамична: поколения техники сменяются в три раза быстрее поколений работников. Кто сегодня пользуется пишущей машинкой? Уже сдали в утиль. А еще совсем недавно она была основным орудием делопроизводства. Стремительный бег времени

чрезвычайно затрудняет социализацию новых поколений, освоение ими последних достижений культуры. Происходит отрыв от вековых традиций, наделивших жизнь смыслом. Человек оказывается в каком-то заколдованном мире, не ведая, что же вокруг происходит. Калейдоскоп обильной, но фрагментарной информации, обрушивающейся на зрителя и пользователя с телевизионных экранов и из Интернета, часто не проясняет смысл событий, а еще больше запутывает. Известный социолог Э. Тоффлер назвал такое состояние человека «футурошоком». В подобной ситуации он легко становится объектом манипуляции со стороны политических авантюристов, рекламных агентств и религиозных сект.

Чтобы не отстать от темпов развития мировой культуры и не оказаться на обочине современной цивилизации, «финансирование науки необходимо в ближайшее время, невзирая на кризис, увеличить в разы», – об этом пишет известный российский исследователь проблем научного развития

О Б АВТОРАХ

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович.

Родился в 1945 году в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. В 1972 году окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 там же – аспирантуру. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию по философии.

В 1977–1980 годах работал старшим преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. В 1980 году назначен и.о. заведующего, в 1981 году – заведующим кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

Доктор философских наук (1990), профессор (1992).

Автор более 200 научных работ, в том числе нескольких монографий. Сфера научных интересов: исследование вопросов цивилизационной динамики, прежде всего в восточно-славянских странах, проблем общественного сознания, а также предвидения и прогнозирования будущего человеческого общества.

БОРОДИЧ Александр Александрович.

Родился в 1942 году в Жлобинском районе Гомельской области. Окончил Гомельское речное училище (1960), Гомельский политехнический техникум (1967), Белорусский государственный университет (1976) и аспирантуру при кафедре философии естественных факультетов БГУ (1979).

С ноября 1979 года работает в Гродненском государственном университете. С 1980 года – старший преподаватель, с августа 1981 года – доцент на кафедре философии ГрГУ.

Кандидат философских наук (1980), доцент (1986).

Автор более 180 научных работ, в том числе 10 монографий, учебников и учебных пособий.

Сфера научных интересов: теория социального действия, вопросы аксиологии и история философской мысли.

А.И. Ракитов. Только тогда, по его словам, цель превращения России в супериндустриальное общество станет достаточно реалистичной [3, с. 68]. Сказанное не менее справедливо и для белорусского общества.

В последние годы нередко говорится о глобализации образования как неотвратимом объективном процессе, представляющем часть универсальной культурно-цивилизационной унификации мира. В защиту этой идеи приводятся такие доводы, как необходимость развития кооперации и разделения труда между разными странами, что предполагает определенное единообразие в подготовке специалистов, конвертируемость дипломов, свободное перемещение преподавателей и студентов, соответствие программ обучения, многоуровневую систему образования, накопительно-перезачетный способ удостоверения приобретенных знаний, преподавание на основных мировых языках, прежде всего на английском.

Однако, не отрицая значимости интеграции в сфере образования, налаживания кросскультурных связей с адаптацией к собственным условиям передовых достижений мировой науки, следует отметить: такой процесс будет плодотворным при условии сохранения основных ценностей национальной культуры. Нарушение этого условия ведет к ее разрушению, утрате национальной идентичности и переходу в разряд отстающих стран, а то и к физическому исчезновению с исторической арены.

Глобализация в той форме, в какой ее ныне пытаются навязать народам мира, угрожает выживанию и устойчивости человечества. Пресечение этнического, культурного и цивилизационного многообразия, полная планетарная интеграция, переход от множественности государств, народов, наций и культур к униформному миру обернется если не гибелью и смертью социального мира вообще, то, по крайней мере, его бесконечным упрощением и обеднением. Закон разнообразия – важнейший закон системогенетики, общей системной теории, исследующей общие законы преемственности, наследования и эволюции в «мире

Студенты факультета прикладной математики и информатики БГУ

систем». Этот закон однозначно указывает на то, что устойчивость моноцентрического (гомогенного) мира по отношению как к природным, так и к внутрисоциальным вызовам при любых обстоятельствах принципиально ниже, чем мультицентрического (гетерогенного), состоящего из нескольких взаимодействующих цивилизаций/культур. Устранение многообразия, унификация действительности в соответствии с каким-то умозрительно сконструированным проектом неизбежно оборачивается энтропией, ведущей, в конечном счете, к распаду культуры.

Исторически сложившееся деление человечества на культурно-исторические типы, или, как принято сегодня говорить, на различные локальные цивилизации, является непреодолимым препятствием на пути реализации глобального проекта унификации человечества. «Предрасположенность к различиям между культурами – изначальное свойство рода человеческого; человеческая идентичность плюралистична и разнообразна по своей природе – как многочисленны и разнообразны естественные языки, и она всегда является разновидностью конкретных форм общественной жизни, но не воплощением единой «человечности» [4, с. 133].

Наша система образования сложилась в специфических условиях собственной истории, уникального менталитета народа и особой среды местоживания. Существенное воздействие на нее оказали идеалы православного вероисповедания – коллективизм, гуманность, жертвенность ради общего дела. Западное образование складывалось в условиях доминирования протестантской линии вероисповедания с ориентацией на достижение материального благополучия, успеха, предполагающего повышение социального статуса, гедонизм как вожделенную цель и индивидуализм, означающий, что общие проблемы решаются не на основе душевных отношений, а формальным способом. Нетрудно понять, как непросто совместить те и другие ценности. И нужно ли это делать? Тем более что западная цивилизация вступила в полосу эволюционного кризиса и центр мирового развития постепенно смещается на Восток.

Что же скрывается за декларациями о благотворном воздействии глобализации

на мировой цивилизационный процесс? Есть ли субъекты у этого процесса? Ответ будет положительным. Существуют силы, крайне заинтересованные в унификации образования, лишении его национальной специфики, умалении роли социогуманитарного знания. Ларчик открывается, когда узнаешь, что высшее образование включено в Генеральное соглашение по торговле и услугам ВТО. «Рынок образовательных услуг. Вот это и есть главное для Болонского процесса», – замечает А. Фурсов [5, с. 143]. Образование, традиционно решавшее проблему вхождения новых поколений в жизнь общества, превращается в банальный рынок. В сфере же гуманитарного образования «глобализация напоминает культурный империализм – улицу с односторонним движением, по которой транслируются взгляды и ценности, выгодные доминирующей культуре» [1, с. 158].

Таким образом, субъекты глобализации оказываются в явно неравных условиях. Выигрывают ТНК и экономически более развитые страны. Для остальных стран глобализация протекает в форме копирования чужеземного опыта. Это «догоняющая» имитационная модель развития. Из истории известно, что она еще никому не принесла успеха. Напротив, этот путь обрекает большинство народов на роль вечных аутсайдеров.

Ввиду того, что роль социогуманитарного познания и образования в формировании жизнеустойчивости общества и национальной безопасности государства в ряде стран современного мира явно принижается, необходимо хотя бы кратко остановиться на рассмотрении некоторых моментов, имеющих прямое отношение к данному вопросу.

Вспомним, как Ю.В. Андропов, который в течение продолжительного периода возглавлял КГБ Советского Союза, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, вдруг, к удивлению всего мира, заявил: мы не знаем общества, в котором живем. И не мудрено: как можно было знать общество, если социогуманитарное познание было зажато в тиски государственной идеологии, во всевозрастающей степени теряющей адекватность реальным социальным процессам. Неудивительно, что, по прошествии не-

скольких лет после такого признания генсека, СССР, обладавший на то время высокоразвитым промышленным потенциалом и могучими вооруженными силами, распался, как картонный домик.

Факты свидетельствуют о том, что самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная – сознание и ценностные ориентации граждан. Всякие социальные трансформации, катаклизмы, революции, в том числе и «цветные», подготавливаются незаметными, постепенными изменениями в этих трудноосязаемых областях. Почему пал Советский Союз и никто не стал его защищать? Потому что к тому времени он потерял опору среди значительной части народных масс, интеллигенции, элиты, управленцев и т.д. И ему не помогли устоять ни армия, ни самый богатый на планете ресурсный и энергетический потенциал, ни передовые космические технологии. Он проиграл в духе, идеологии, в сознании и поэтому был обречен.

Значимость духовной сферы в исторических судьбах народов была отмечена еще в XIX веке знаменитым французским ученым, основателем социальной психологии Гюставом Лебоном, который писал: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например, падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд, определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплемеников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. **Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей**» (выделено нами. – Ч.К., А.Б.) [6].

Для выяснения следующего момента стоит задаться вопросом: кто из политиков на постсоветском пространстве в течение последних двадцати лет учитывал данные социогуманитарных наук? Можно определенно

утверждать, что большинство из них действовали исключительно ситуативно, занимались «латанием дыр», пытались как можно быстрее решить текущие, сиюминутные проблемы с целью удержаться «на плаву» и иметь возможность переизбраться на новый срок властных полномочий. Само собой понятно, что в этой обстановке далеко не каждому субъекту политического действия удавалось преодолеть состояние «временщика» и подняться до стратегического, перспективного уровня мышления.

Сегодня, когда в истории резко возросла роль субъективного фактора, который обнаруживает себя в форме усиления влияния на судьбы народов и цивилизаций различных идеологических доктрин, теоретических проектов и моделей общественного переустройства, принимать политические решения на основе интуитивных озарений, с кондачка, методом проб и ошибок – чрезвычайно безответственно и опасно. Подходы, не опирающиеся на глубокое понимание происходящих в мире процессов, не имеющие под собой теоретически выверенных оснований, солидной экспертной проработки, разве что случайно могут оказаться правильными. Отказ от учета ценностно-мировоззренческого фона в обществе и реального состояния общественного сознания представляется весьма рискованной установкой.

Отдельной строкой целесообразно выделить ситуацию, сложившуюся с социогуманитарным знанием. Она приобретает драматический характер. Практически во всех постсоветских странах идет процесс интенсивного сокращения финансирования любых исследовательских программ социогуманитарной направленности. В лучшем случае, оно осуществляется по остаточному принципу. При этом такая же тенденция набирает силу и в системе высшего образования: с неумолимой последовательностью в последнее время в структуре учебной нагрузки идет сокращение ее социогуманитарной составляющей. Это весьма опасный, можно даже сказать, разрушительный для социума процесс. Разве запоздалая реакция на финансово-экономический кризис не свидетельствует о разрывах в системе отношений глобальных властных структур с наукой вообще и социогуманитарным знанием в частности?

Попытки решать сложнейшие вопросы управления социальными процессами, пренебрегая добытыми социогуманитарными науками знаниями и опираясь только на принцип политической целесообразности и практический опыт, способны привести к подлинным социальным катастрофам.

Узколобый, утилитарно-технократический подход к социогуманитарным наукам, непонимание их роли в развитии социума в современных условиях нарастания мегарисков, связанных с наличием оружия массового поражения, опустошением земных недр, изменением химического состава жизненной среды, с проблемой сохранения человеческой идентичности, которой угрожает вмешательство в генетическую структуру и психику индивида, не может не вызывать серьезного и обоснованного беспокойства. Не случайно многие ученые с мировым именем категоричны в утверждениях о возрастании значимости социально-гуманитарных наук. Например, известный французский ученый Клод Леви-Стросс со всей определенностью заявлял, что XXI век будет или веком гуманитарным, или его вообще не будет. Да и в прошлом роль социогуманитарного познания и образования в развитии и самоутверждении народов и государств была исключительно важной. У Бисмарка, немало сделавшего для объединения десятков германских стран в единое государство, были все основания утверждать, что битву при Седане (сентябрь 1870 года) в ходе франко-прусской войны выиграл школьный учитель.

Кстати, после Второй мировой войны США сосредоточили у себя две трети специалистов-антропологов (обществоведов) от их общего на тот момент количества во всем мире. Они развернули исследования во всех уголках планеты. Был собран колоссальный объем знания о духовной сфере человека самых разных культур и в самых разных ситуациях. Его соединили затем с новым знанием о сложных системах – синергетикой, моделирующей закономерности перехода «порядка в хаос» и наоборот. На основе новых представлений и массива эмпирических данных были созданы поразительные по эффективности технологии управления поведением больших масс людей. И эти технологии были весьма успешно использованы, прежде всего, против Советского Союза [7].

Следует особо подчеркнуть, что именно в ходе современных реформ, осуществляемых на основе идеологии неоллиберального фундаментализма, оторванность верхов (элиты) от народа беспрецедентно усилилась. С началом всеобщего распространения новейших информационных технологий (формированием «информационного общества»), давших старт глобализации, в этом процессе обнаружилось принципиально новые измерения. Возникшие глобальные информационные поля оказались способными действовать на людей поверх государственных границ, создавать возможность манипуляции сознанием в планетарном масштабе. И что удивительно: первыми кандидатами на роль объектов этих манипуляций явились элиты народов, отставших в своем развитии от стран-гегемонов. Современным глобалистским структурам нет нужды воздействовать на сознание всего населения той или иной страны с целью формирования у него нужных для этих структур установок и ориентиров. Достаточным оказывается значительно более простой и менее затратный вариант: добиться желаемого поведения общества воздействием не на все его слои, но лишь на сознание элиты. Так, транснациональные структуры и институты, концентрирующие в своих руках колоссальные финансовые ресурсы и, что очень важно, коммуникативные сети, с растущей легкостью подчиняют себе национальные правительства, которые в силу этого перестают быть, по сути дела, национальными, что хорошо сегодня видно на примере некоторых государств Латинской Америки, да и стран СНГ.

Подвергшись форсированной обработке сознания, элита начинает иначе, чем возглавляемое ею общество, мыслить, воспринимать окружающий мир и реагировать на него, исповедует другие мировоззренческие ценности. Тем самым она утрачивает не только социальную эффективность, но и свою общественно полезную функцию. Такая ситуация уничтожает сам смысл демократии, поскольку исходящие от общества импульсы, представления и идеи просто не воспринимаются элитой, живущей в другом мире.

«В результате потенциал демократии съезживается до совершенно незначительных

размеров самой элиты. С какой скоростью и насколько при этом незаметно для общества протекает данный процесс, наглядно демонстрирует пример нашей страны, в которой «демократы» уже к 1998 году, то есть за семь лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты – за семьдесят лет своего», – пишет российский исследователь М.Г. Делягин [8, с. 177–178].

«Дезертирство элит» (выражение А.С. Панарина) в нашу эпоху – явление сложное, многоаспектное. Но в любом случае оно не только «естественно-историческое», спонтанное. Наряду со всем прочим следует особо подчеркнуть, что этот феномен вполне сознательно инспирируется и проводится в жизнь. Здесь достаточно сказать, что в современных западных странах, прежде всего США, действует немало «аналитических институтов», «мозговых трестов» и т.д., направленных на идеологическое программирование сознания элит стран мировой периферии с целью установления «нового мирового порядка». Задача всех этих центров – научить местные «верхи» смотреть на национальную политику через призму «глобального подхода», то есть, по сути дела, сориентировать их исключительно на обслуживание интересов наиболее экономически развитых стран. Будучи мощными генераторами идеологии, эти и подобные им аналитические институты «создают тонким и опосредованным образом мировоззренческие аксиомы для посвященных и стереотипы для профанов» [9, с. 185], разворачивают активную деятельность, которая подменяет и дополняет работу дипломатии и идеологической разведки США и западноевропейских государств. Наиболее ярким примером таких институтов, трестов и центров является Совет по внешним сношениям в США. Многие эксперты полагают, что, как центр принятия решений, Совет по внешним сношениям стоит даже над администрацией США [9, с. 185].

Результат деятельности «мозговых трестов» – создание во многих государствах «пятых колонн», действующих внутри своих стран и против них. Именно такого рода «пятая колонна» в значительной степени поспособствовала успешному

развалу Советского Союза. Очевидно, что было создано мощное организационное оружие, обеспечившее победу без прямого применения военной силы. Кстати, в тот период, который у нас и за рубежом именовали поначалу «перестройкой», а теперь справедливо именуют «номенклатурным», или «аппаратным» переворотом, едва ли не во всех периодических изданиях развернулась умело организованная кампания по дискредитации как социогуманитарного образования, так и социогуманитарного знания в целом. Настойчиво навязывалось мнение, что мы, наконец, вступаем в эпоху, свободную от всяких идеологий, что нам не нужны никакие общественные науки, нужно просто готовить хороших профессионалов, знающих свою работу, и т.д. Дело дошло до того, что в различных инстанциях вполне серьезно обсуждалось кардинальное сокращение всякой социогуманитарной составляющей в образовательном процессе, в частности, был поставлен вопрос об отказе от социогуманитарной подготовки аспирантов как совершенно излишней и отмене экзаменов кандидатского минимума, кроме экзамена по специальности. Правда, нашелся один человек, который восстал против всего этого, – ректор МГУ В.А. Садовничий. Он доказательно обосновал мысль, что в структуре российского образования и системе научных исследований недопустимо всякое игнорирование социогуманитарной составляющей. Напротив, для совершенствования и развития российского образования и системы научных исследований чрезвычайно важно сохранить их фундаментальный характер и направленность. Надо отдать должное ректору – он в значительной степени сумел воспрепятствовать процессу духовной кастрации российского образования.

Позже выяснилось, что вся эта кампания была инспирирована и проплачена различными неправительственными организациями, действующими в интересах США и других западных стран. Ее целью было духовное разложение и подрыв безопасности своего геополитического противника.

Сегодня также приходится постоянно сталкиваться с феноменом порой весьма недружественных отношений между пред-

ставителями естественных и гуманитарных наук. В свое время его блестяще описал английский исследователь Чарльз Перси Сноу в своей книге «Две культуры». Будучи по образованию физиком, Ч.П. Сноу обладал талантом и призванием писателя, благодаря чему общался и с учеными-естественниками, и с гуманитариями, писателями, художниками, философами. Днем он работал в институте физики, вечером проводил время в литературных клубах. Это позволило ему заметить, что естественники и гуманитарии, его друзья, хотя и обладают одинаковой силой интеллекта и принадлежат к одной расе, вместе с тем живут настолько разными интересами и в такой непохожей психологической и моральной атмосфере, что между ними пролегла непроходимая пропасть, преодолеть которую труднее, чем переплыть океан. Ч.П. Сноу пишет: «На одном полюсе художественная интеллигенция, на другом – ученые и, как наиболее яркие представители этой группы, – физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда, особенно среди молодежи, – даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, – непонимание. У обеих групп – странное, извращенное представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций» [10, с.78].

Ч.П. Сноу охарактеризовал это явление как две культуры, замкнутые и изолированные одна от другой. Причем представители одной из этих культур упрекают представителей другой в законченном индивидуализме, субъективизме, а также иррационализме и стремятся показать, к каким тяжелым последствиям это может привести; в то время как представители другой доказывают, что естественно-научный подход к человеческой жизни, который наблюдается у их культурных антиподов, ведет к разрушению духовных ценностей, обеднению личности и, в итоге, к уничтожению культуры.

Ч.П. Сноу в таком разделении культуры на гуманитарную и естественно-научную, а ее лучших представителей – на знатоков человека и общества, с одной стороны, и ученых-натуралистов – с другой, увидел национальную трагедию Англии.

В чем же здесь трагедия? Об этом уже упоминалось в начале статьи: развитие производства в период индустриализации общества, углубление разделения труда привели к тому, что уделом человека стала узкая специализация. В фабричном производстве это выразилось в том, что человек превратился в придаток машины, способный выполнять лишь одну функцию. Естественно, такой человек в силу своего объективного положения не может не быть односторонним и частичным. Его труд – однообразный и скучный, начисто лишенный творческого начала. Развитие науки также породило профессиональную ограниченность, или, как называл это явление К. Маркс, профессиональный идиотизм, то есть формировало людей с гипертрофированным развитием одной узкой умственной способности. Не случайно одно время образ ученого-чудака, беспомощного во всем и чуждого всему, что выходит за рамки его специальности, стал ходячим комическим персонажем (классический пример – Паганель, энтомолог из романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта»). Иногда такого ученого называют даже ученым-дикарем, который невежествен во всем, что не входит в круг его познания. В этой связи имеет смысл напомнить ситуацию в фашистской Германии. Как могло случиться, что в этой стране с развитой наукой, многочисленными специалистами, преуспевающими в своих областях, конструирующими великолепные машины и оборудование, так быстро восторжествовала идеология фашизма, большинство ученых уверовало в фашистские мифы нации, жизненного пространства и пошло по пути сотрудничества с гитлеризмом? Безусловно, немалую роль сыграло здесь то, что большинство упомянутых ученых, ограниченных рамками узкой специальности, не имели правильного представления об общей социальной картине мира и не отдавали себе отчета в том, что творят. Альберт Шпейер, бывший министр вооружения гитлеровской Германии, в одном из своих высказываний на Нюрнбергском процессе дал точный диагноз ситуации отсутствия самостоятельного мышления у многих современников. Он сказал: «В XX веке, величайшем столетии техники, люди научились изготавливать мифы так же надежно и с той же целью, что

пулеметы или бомбардировщики. Появились искуснейшие специалисты этого дела, мастера мифотворчества. В этом отношении миф расы, или миф крови, или миф фюрера были, по существу, своеобразным видом оружия, может быть более страшным, чем любой сверхтанк или пушка. Они поражали самый главный участок – человеческий мозг и подчинили себе человека целиком, без остатка».

Правда, тут же он добавляет: «Не состояла ли в этом и моя личная трагедия?» [11, с. 90–91]. Но оставим это последнее рассуждение на его совести. Шпейер не был жертвой фашистской пропаганды. Он сам был одним из тех, кто стоял у истоков фашистского режима и непосредственно участвовал в его идеологическом обосновании. Нас интересует само содержание его высказывания.

Дело не только в том, что человек, замкнувшийся на одной узкой специальности, обкрадывает себя, становится частичным и одномерным. Дело еще и в том, что в настоящее время узкая специализация становится тормозом в развитии самой науки. Ведь и в прошлом все великие открытия, переломные моменты в развитии науки, были, как правило, связаны с именами людей, которые были универсально образованными, могли выйти за рамки своего предмета (парадигмы) и шире взглянуть на мир.

Не случайно А. Эйнштейн так высоко ценил весьма далекие от физики произведения Ф.М. Достоевского и утверждал, что чтение книг русского классика дало ему больше в смысле научных прозрений, чем изучение специальных работ по физике.

Современный же уровень науки сильнее, чем когда-либо, требует от исследователя не простого знания фактов и умения их классифицировать, а эвристической способности находить новое их объяснение в свете разрабатываемых оригинальных концепций и постоянной перестройки научной картины мира. Сегодня все крупные, поворотного, революционного характера открытия совершаются, как правило, не в рамках какой-либо отдельной, частной науки, а на их стыке. Для нынешнего этапа развития знания характерно возникновение разного рода междисциплинарных

направлений, інтегруючих в себе цільний ряд окремих дисциплін, появились науки с двойным названием (биохимия, биофизика и т.п.). Прав Г.К. Лихтенберг, когда сказал: «Кто ничего не понимает, кроме химии, тот и ее понимает недостаточно». А вспомним, что писал А.И. Герцен своему сыну: «Помни, что тебе в особенности недостает классического образования, т.е. того общего очеловечивания, которое именно и называется «гуманитарным». При специальных занятиях естественными науками тебе будет мудрено сделать многое, но, несколько образовав себя чтением или посещением какого-нибудь курса философского, можешь воспитать себя сколько-нибудь в эту сторону. Без нее страшно то, что легко можно впасть в ремесленничество науки и за множеством фактов потерять общность дела» [12, с. 449]. В контексте этих рассуждений можно привести иллюстрации и другого рода. Как известно, в Советском Союзе наиболее эффективным (элитарным) учебным заведением был МФТИ имени Н.Э. Баумана. Он представлял собой в полном смысле флагман подготовки специалистов в области физико-технических дисциплин. Выпускников данного института стремились заполучить к себе директора предприятий как гражданского, так и оборонного назначения. Они и впрямь выделялись своим уровнем. Однако каким бы это ни показалось на первый взгляд странным, из среды этих прекрасно подготовленных специалистов не выявилось впоследствии ни одного крупного ученого с мировым именем, получившего Нобелевскую или какую-либо другую престижную международную премию.

В чем же причина? Любой, кто даст себе труд поразмыслить над этим вопросом, придет к однозначному выводу – узкая специализация образования. Подготовленный в соответствии с ней исследователь, ученый, инженер в состоянии осуществить частные новшества, усовершенствования в пределах своей профессиональной деятельности, но он не способен на революционные открытия в науке, за которые присуждают Нобелевские премии.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов вероятность использования научных результатов во вред человечеству, когда

освобожденные техническим разумом колоссальные природные силы нередко обращаются против самих людей. Трагедия Хиросимы и Нагасаки – лишь одно из подтверждений. Возникает большая социальная проблема – как направить научно-технический прогресс на благо человека, научиться управлять достижениями научной мысли. Для предотвращения возможных нежелательных, а то и роковых последствий ученый, в какой бы области он ни работал, должен быть гуманитарно образованной личностью, исходить из понимания целостности мира и хоть в какой-то мере

Выпускники
Брестского
государственного
университета
имени А.С. Пушкина

иметь представление о тенденциях и векторах развития современного ему социума. Один из руководителей международного союза охраны труда Жан Дорст в своей книге «До того, как умрет природа» так пишет об этой проблеме: «Степень цивилизации измеряется не только количеством киловатт, производимых энергоустановками. Она измеряется также рядом моральных и духовных критериев, мудростью людей, движущих вперед цивилизацию».

Когда в Советском Союзе был запущен в космос первый искусственный спутник Земли, а через некоторое время – космический корабль с человеком на борту, политики и ученые в США впали в замешательство. Стало ясно, что СССР создал более совершенную систему образования и подготовки научных кадров, прежде всего физиков и математиков. Среди американских специалистов такого же профиля даже стала популярной шутка: «Или мы должны срочно заняться физикой и математикой, или нам придется учить ... русский язык».

Но американцы, видимо, решили обойтись своими силами. С этой целью в США была разработана программа «Мерит», в соответствии с которой в течение ряда лет из старших классов всех школ отбирали по четыре наиболее способных и перспективных ученика. Ежегодно число таких детей составляло около 600 тысяч. Затем из этой многочисленной массы творчески одаренной молодежи выявляли путем усложненных тестов около 35 тысяч юношей и девушек с наилучшими показателями развития, наиболее подходящих для дальнейшей интенсивной учебы. Их обеспечили высокими стипендиями, субсидиями, принимали без экзаменов в лучшие колледжи, им создавали максимально благоприятные условия. Интересно, что в специальных колледжах, созданных для обучения этих наиболее талантливых молодых людей математике и физике, учебная нагрузка по дисциплинам распределялась весьма странно, на первый взгляд, образом: около 50 % ее общего объема приходилось на различного рода социогуманитарные дисциплины, которые, казалось, не имеют никакого отношения к будущей специальности обучающихся. Но еще более удивительным было другое: в общежитиях, где проживали такие студенты, приглашали художников, музыкантов, философов, не определяя четко их прямые обязанности. Они должны были создавать атмосферу, препятствующую заикленности молодых людей на своей узкой профессии – своего рода противоядие от «профессионального идиотизма», или «профессионального кретинизма». Программа «Мерит» – поучительный пример мобилизации государством интеллектуальных ресурсов общества. Она в немалой степени способствовала успешному развитию в США новых космических технологий. Она же, в конечном счете, наряду с прочим, разумеется, обеспечила победу Америке в соревновании с Советским Союзом в области освоения космоса.

Важно понять, что социально-гуманитарные науки раскрывают причины, механизмы и характер происходящих в обществе процессов, мотивы человеческих действий, обосновывают социокультурные ценности, определяющие тактику и стратегию развития общества, выявляют место и роль в этом процессе науки, экономики и политической

деятельности. Существенной их особенностью является использование накопленного опыта для социализации и инкультурации личности, для освоения ею определенных навыков и умений во всех областях профессиональной деятельности.

Между тем в структуре подготовленных нашей Национальной академией наук «Приоритетных направлений развития Республики Беларусь на 2010–2015 годы» нет ни одного, относящегося к социокультурному профилю. Здесь налицо явный технократический уклон. Как бы не пришлось нам спустя некоторое время повторить высказывание Ю.В. Андропова, что мы не знаем общества, в котором живем...

Задача как раз и состоит в том, чтобы создать условия и возможности общественному знанию исходить все проблемное поле социума – страны, региона, человечества в целом, выдвинуть альтернативные, конкурирующие модели, раскрыть в богатстве всех определений самые разнообразные проявления общественной жизни. Только имея такого рода познавательную базу, можно принимать оптимальные общественно значимые решения и осуществлять адекватный реальной ситуации исторический выбор путей развития страны и общества. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочетков, В.В. Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации / В.В. Кочетков // Вестник Московского университета. – Серия 18. – 2005.
2. Бердяев, Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 220 с.
3. Ракитов, А.И. Наука, образование и супериндустриальное общество: реалистический проект для России / А.И. Ракитов // Вопросы философии. – 2009. – № 10.
4. Грей, Д. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности / Д. Грей. – М., 2003.
5. Фурсов, А. Новое оружие сильных против слабых? / А. Фурсов // Москва. – 2009. – № 9.
6. Лебон, Г. Психология народов и масс [Электронный ресурс]. Г. Лебон. – Режим доступа: <http://www.israelsshmir/marx132ntm>.
7. Батчиков, С. За флажками! / С. Батчиков // Завтра. – 2009. – № 36 (824).
8. Делягин, М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М.Г. Делягин. – М., 2003. – 592 с.
9. Нарочницкая, Н. «Аналитические институты» – глаза, уши и мозг Америки / Н. Нарочницкая // Наш современник. – 2004. – № 3.
10. Сноу, Ч. Две культуры / Ч. Сноу. – М.: Прогресс, 1973.
11. Сагатовский, В.Н. Вселенная философа / В.Н. Сагатовский. – М.: «Молодая гвардия», 1972. – 224 с.
12. Герцен, А.И. А.А. Герцену / А.И. Герцен // Сочинения. – Т. 9. – М.: Худ. лит., 1958. – 755 с.